

УДК 398.3+392.1

DOI 10.5281/zenodo.18399987

Гулиева Ф. Х.

Гулиева Фаризат Хасановна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора карачаево-балкарского фольклора, Институт гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН, д. 18, ул. Пушкина, Нальчик, Кабардино-Балкарская Республика, Россия, 36000. E-mail: gfariza37@mail.ru.

Роль языческих культов в детском цикле семейно-обрядового фольклора карачаевцев и балкарцев

Аннотация. В статье исследуется функциональная роль различных языческих культов в обрядово-ритуальной практике детского цикла у карачаевцев и балкарцев, а также отслеживается ее трансформация, обусловленная изменениями в религиозных воззрениях, быте и образе жизни этноса. Выявлено, что значительное место в семейной обрядности рассматриваемого цикла отводилось женским божествам и покровительницам стихий, отвечавшим как за зарождение жизни, так и за благополучное появление ребенка на свет и его взросление. Защитная функция возлагалась также на различные амулеты, талисманы тотемного характера. Отмечается, что знакомство карачаевцев и балкарцев с монотеистическими религиями привело к определенным изменениям в детской семейной обрядности, менее значительным под влиянием христианства и более глобальным в связи с исламской традицией. В то же время подчеркивается, что некоторые языческие элементы сохранились в духовно-материальной культуре этноса по сей день.

Ключевые слова: карачаевцы, балкарцы, семейно-обрядовый фольклор, детский цикл, культ, тотемизм, фетишизм, ритуал, текст.

Guliyeva F. Kh.

Guliyeva Farizat Khasanovna, PhD in Philology, Senior Researcher, Karachay-Balkar Folklore Sector, Institute of Humanitarian Research, Kabardino-Balkarian Scientific Center, Russian Academy of Sciences, 18 Pushkin Street, Nalchik, Kabardino-Balkarian Republic, Russia, 36000. Email: gfariza37@mail.ru.

The role of pagan cults in the children's cycle of family-ritual folklore of the karachays and balkarians

Abstract. The article examines the functional role of various pagan cults in the ritual-ceremonial practices of the children's cycle of Karachays and Balkarians, tracing its transformation, conditioned by changes in religious beliefs, everyday life, and lifestyle of the ethnos. It's revealed, that a significant place in the family rituals of this cycle was given to female deities and patronesses of the elements, responsible for both the conception of life and the safe birth and growth of the child. Protective functions were also attributed to various totemic amulets and talismans. It's noted, that the familiarity of Karachays and Balkarians with monotheistic religions led to certain changes in children's family rituals, less significant under the influence of Christianity and more profound due to the Islamic tradition. At the same time, it's emphasized, that some pagan elements have persisted in the spiritual and material culture of the ethnos to this day.

Key words: Karachays, Balkarians, family-ritual folklore, children's cycle, cult, totemism, fetishism, ritual, text.

Обрядовый фольклор как сложное и многогранное явление, включающее в себя «произведения, разные по времени и по жанру, начиная от простейших языковых формул и даже отдельных слов до сложных поэтических форм», которые были «неразрывно связаны с магическими действиями, составляли с ними единый ритуальный комплекс» [15, с. 3], всегда привлекал внимание исследователей гуманитарного профиля (историков и этнологов, фольклористов, культурологов, этнопсихологов и др.) [3; 7; 8; 13; 14; 16]. Объясняется подобный интерес тем, что данный пласт устной словесности является ценным источником для изучения народного мировоззрения, позволяющим отследить постепенную трансформацию мировосприятия, менталитета этноса, смену религиозных представлений.

Объектом изучения в данной статье является детский цикл семейно-обрядового фольклора карачаевцев и балкарцев, на материале которого будет исследована функциональная роль языческих культов в системе ритуальных практик этноса, а также прослежено их изменение под влиянием различных факторов. Отдельные вопросы обозначенной проблемы затрагивались в трудах национальных фольклористов Х.Х. Малкондуева [10; 11], Т.М. Хаджиевой [19], этнографов М.Ч. Кучмезовой [9], Л.Х. Боташевой [6], А.Н. Болуровой [4; 5], И.М. Шаманова [20] и др., однако полноценного рассмотрения в интересующем нас аспекте она все еще не получила. Данное обстоятельство подтверждает ее актуальность.

Детский обрядовый фольклор (как и остальные его разновидности) был тесно связан с ритуальной практикой. Соответственно, в нем условно можно выделить три этапа:

- дородовой;
- родильный;

– собственно детский.

Каждый из них сопровождался своим комплексом мероприятий и действий, обусловленных верованиями, особенностями мировосприятия народа на том или ином этапе его развития.

Как и у многих народов мира, у карачаевцев и балкарцев полноценной могла считаться лишь семья, в которой было несколько здоровых детей. Бесплодие считалось большой трагедией, которую пытались всячески избежать, в том числе проводя различные ритуалы и обряды. Важное место в них занимали богини-покровительницы материнства. В первую очередь, это широко известная в тюркомонгольском мире Умай (Умай-бийче), которую после приобщения карачаевцев и балкарцев к христианству сменила Байрым (Байрым-бийче) — трансформированный образ Святой Девы Марии, матери Иисуса Христа [11, с. 142–147]. Бесплодные женщины в надежде избавиться от своего недуга обращались к Высшим силам, «посещая священные места, — рощи, камни, деревья, родники, святые могилы и т.д., приходя к ним специально с дарами и угощением, чтобы задобрить духов. В числе таких сакральных объектов можно назвать *Раубазы терек* (священное дерево Раубазы), священная могила Ашамиша (*Ашамиш оба*) в Черекском ущелье, святилище богومатери Марии (*Байрым*), камень Тотура (*Тотур таиш*) в Чегемском ущелье и т. д.» [9, с. 67]. В Карачае к таким культовым местам относились *Джуртда Джангыз терек* «Одинокое дерево в Джурте», *Къарачайны Къадау таши* «Замковый камень Карачая», расположенный на левобережье р. Кубани чуть ниже места соединения с правым притоком р. Худес, источник у священной могилы в с. Хурзук *Шыйых суу* «Святая вода» [5, с. 17]. Приходя туда, желающие обзавестись потомством женщины проводили специальные ритуалы и возносили мольбы с просьбой нис-

послать детей. Наглядным примером такого текста является произведение «*Байрымгъа барыу*» («Хожение к Байрым») [17, с. 43]:

Княгиня Байрым, богатая княгиня,
Я прошу у тебя дитя,
Заклинаю, молю,
Приношу в жертву ягнят.
Княгиня Байрым — раздающая подарки,
Земле — дождь, мужчинам силу да-
рующая.
В твою божественную силу я верю,
Освети [мою жизнь], пусть я про-
должу верить.
Стрелы / пули принесла рядком-
рядком,
На белый камень их положила.
Стрелы / пули — твои, сын — мой.
Стрелы / пули — твои, сын — мой.
Шелк принесла отрезами-отрезами,
На синий камень их положила.
Шелк — твой, дочь — моя,
Шелк — твой, дочь — моя.
Княгиня Байрым, богатая княгиня,
Ко мне милосердие прояви, княгиня!
(Подстрочный перевод наш — Ф.Г.).

В другом тексте, который был записан от информанта Шахмурзаевой (Жолабовой) Хаммегер, с просьбой о детях обращаются сразу к нескольким языческим божествам. Так, в нем упоминаются верховное божество Великий Тейри, божества Неба, Земли, бог грома и молнии Ильяс (трансформированный образ христианского Святого Ильи), водное божество Хыдыр [1].

Интересно отметить, что в некоторых фольклорных текстах наблюдается тесное переплетение древних языческих воззрений с элементами более поздних религиозных традиций (христианских и исламских). Наглядным примером может служить легенда «*Раубазыгъа табыныуну чыкъгъаны*» — «Происхождение поклонения Раубазы» [2, с. 126–128], в котором возникновение языческого культа священного дерева объясняется с позиций ислама: «... в роду Ульбашевых когда-то

были две сосношницы. Одна из них была бесплодна, у другой было много детей. По существовавшему в те времена обычаю, одного ребенка отдали на воспитание в семью бесплодного брата. Настоящая мать ребенка не могла с этим смириться и всячески это демонстрировала. Наконец, не выдержав, бездетная сноха возвращает малыша. Той же ночью она увидела сон, в котором некий таинственный голос сообщил ей, что нужно совершить намаз в определенное время под деревом, под которым бьет родник. Туда в образе голубей прилетят ангелы и передадут ее просьбу Всевышнему. Выполнив все, как посоветовал голос из сна, через положенное время бездетная сноха родила ребенка. Те, кто видели ее молитву под деревом, но не знали про ангелов, решили, что это дерево ей помогло, и стали поклоняться ему, приносить дары» [12, с. 61–62]. Как мы можем видеть, здесь признается существования в прошлом культа священного дерева Раубазы, но оно представляется как результат ошибки, непонимания увиденной ситуации, вследствие чего чудо, совершенное Всевышним, было приписано дереву, под которым совершалось поклонение. Здесь следует обозначить, что информант был глубоко верующим человеком, и это, по всей видимости, повлияло на характер трактовки описываемых событий. Другими словами, в данном произведении мы столкнулись с трансформацией представлений об одном из языческих культов древних карачаевцев и балкарцев и «снижением» его роли в обрядово-религиозной системе этноса.

После наступления желанной беременности женщину окружали заботой, ее освобождали от тяжелого физического труда, следили за ее питанием, режимом, старались укрыть от посторонних глаз, чтобы избежать сглаза. Кроме того, ей необходимо было придерживаться определенной системы запретов как в питании, так и в поведении, своих действиях. К примеру, будущей матери нельзя было употреблять в пищу зайчатину (чтобы ребенок не был пугливым), нельзя было

даже смотреть на зайца (чтобы ребенок не родился с «заячьей губой»), ей запрещалось перешагивать через шерсть, кошку, собаку (чтобы ребенок не был плаксивым), нельзя было смотреть на пламя (чтобы у ребенка на щеке не появилось темное пятно).

С этим периодом у карачаевцев и балкарцев связано и множество суеверий. Так, например, карачаевцы и балкарцы верили, что при женщине, ожидающей прибавления, нельзя упоминать различные болезни, поскольку считалось, что родившийся ребенок в будущем может умереть от нее.

В целом, весь сформировавшийся как итог многовекового культурно-исторического опыта народа комплекс действий и запретов был направлен на защиту беременной и ее будущего ребенка, как в физическом и эмоциональном плане, так и в магическом, энергетическом.

Особенно тщательно готовились к самим родам, поскольку в народе считалось, что роженица и ее плод находятся между мирами (миром живых и миром мертвых) [9, с. 75], имеются даже свидетельства о том, что среди прочих предметов заранее подготавливали и саван, поскольку уровень смертности из-за сложных родов был довольно высок. Поэтому к выбору повитухи *аначы* подходили со всей ответственностью, следили, чтобы в ее практике не было смертельных исходов, и сама она была матерью здорового потомства, обладала хорошим нравом и «легкой рукой». По подобным критериям отбирались и ее помощницы, в основном из числа домочадцев.

Непосредственно перед родами также проводились различные действия, призванные подготовить роженицу и защитить ее от негативного магического воздействия: «Перед родами женщина поклонялась очагу (*тыпыр таи*), проделывала гигиенические процедуры — купалась, надевала чистое белье. <...> Над дверью комнаты, где находилась роженица, ставили неиспользованную чашу,

положив туда железный гвоздь, кусочек сыра, зерна кукурузы, пшеницы, кусочек змеиной кожи, сброшенной при линьке, коготь волка — всего девять предметов. Каждый из этих предметов символизировал жизненно необходимое качество или явление: богатство, здоровье, долголетие, выносливость и т. д. Так, железу, коже змеи, когтю волка приписывались охранительные свойства. Кинжал как оберег, преграждающий доступ нечистым силам, клали на порог» [9, с. 72–73].

Участники действа обращались к божествам Тейри, Умай / Байрым [11, с. 142], Чериу (предположительно, дух-покровитель материнского рода у карачаевцев и балкарцев [9, с. 77–78]) с просьбой облегчить роды, сохранить жизнь и здоровье матери и ребенка.

После благополучного преодоления и данного этапа, основное внимание сосредотачивалось на защите новорожденного и восстановлении сил матери. Параллельно с этим проводились различные ритуалы, приносилось в жертву животное (баран или бык), произносились заговоры, благопожелания, имеющие целью «поблагодарить» Высшие силы за их помощь, а также испросить у них счастливую судьбу для младенца.

Для обеспечения полноценного сна и сохранения здоровья ребенка, проводились различные ритуалы (укладывание кошки в колыбель, определение причины недуга путем отливания свинца и т. п.), читались заговоры от бессонницы, сглаза, заразных болезней.

Для того чтобы защитить дитя от нечистых сил, к его колыбели привязывали или клали в нее различные обереги тотемного характера (иголку или кусочек шкуры ежа, коготь волка или рыси), железные предметы (ножницы для девочки, нож для мальчика). Имеются упоминания и о применении обережной вышивки. К примеру, в народе верили, что если вышить на одежде мальчика изображение ежа, то его не укусят змеи. В то же время на одежде девочек его не изображали, опасаясь, что при взрослении она может

перенять «колючий» характер, стать неуживчивой.

С принятием ислама подобные защитные средства постепенно заменили мусульманской атрибутикой, связанной со священными письменами: книги или сборники *китап*, *хамайыл*, амулеты *дууа* [9, с. 82], являвшиеся, по сути, проявлением языческого мышления, воплощенного в новой форме. Они представляли собой написанные на бумаге отдельные суры из Корана, сложенные в форме треугольника или квадрата и обшитые кожей для лучшей сохранности. Их могли прятать в колыбели, прикалывать к одежде или носить на шее, прикрепив к тесемке или кожаному ремешку. Следует отметить, что с их помощью старались защитить не только младенцев, но и детей постарше, и даже взрослых.

Судя по сохранившимся обрывочным сведениям, в прошлом подобные охранительные практики и ритуалы сопровождали ребенка вплоть до его взросления и приобщения к обществу. Так, например, когда ребенку, особенно мальчику, предстояло первый раз переправиться через реку, по обе стороны от моста закапывали яйца и исполняли заговор, обращенный к покровительнице водной стихии Суу Анасы (досл.: «Мать Воды») и имевший целью уберечь малыша от утопления и других неприятностей, связанных с водой. Существовали и другие защитные тексты: «Были заговоры-наставления в песенном исполнении, обращенные к божествам Мариам (Байрым), Тотуру и Апсаты, исполнявшиеся, когда юноша впервые пахал землю, собирался обучать неужа или молодого быка, отправлялся на охоту или в кош и т. д.» [11, с. 149]. В качестве примера приведем текст, исполнявшийся при первом выходе юноши на охоту («*Жаш биринчи уугъа барса айтылгъан алгъыш*» — «Заговор, произносившийся, когда мальчик впервые шел на охоту» [18, с. 189]):

Княгиня Умай, Тотур
Пусть не дадут соскользнуть твоей
ноге,

Пусть не позволят промахнуться пу-
щенной тобой стреле / пуле,
Пусть оберегают твою охотничью
тропу.

Единожды выстрелив, чтобы ты уби-
вал двоих,

За один раз, чтобы приносил двух
олений,

Чтобы поднимал дух своих слабо-
вольных товарищей,

Чтобы из шкур оленей устроил охот-
ничий стан.

Пусть твой очаг закрепится так же,
как Полярная звезда.

Пусть Тейри ниспошлет из скота Ап-
саты добротных, многих.

(Подстрочный перевод наш — Ф.Г.).

Таким образом, на основе проведенного исследования можно заключить, что главную роль в детском цикле семейной обрядности карачаевцев и балкарцев в прошлом играли женские божества-покровительницы материнства Умай и Байрым, но в то же время проводились ритуальные практики, направленные на умилоствление и испрошение защиты и помощи других языческих божеств (Тейри, Кёк тейри, Жер тейри, Суу Анасы, Тотур, Ильяс и др.), и если первые выполняли главным образом регулятивно-демографическую функцию (как и посвященные им священные рощи, отдельные деревья, камни, святилища), то на долю остальных в большей степени выпадала охранительная, защитная функция. Обережную функцию выполняли и различного рода амулеты тотемного характера, предметы, которым приписывалась способность противостоять нечистой силе. Однако с течением времени, изменением образа жизни и мышления этноса происходила трансформация и обрядовых практик, и связанного с ним фольклора. Так, если христианские представления относительно легко ассимилировались с языческим мировосприятием и органично влились в него, ислам, проповедовавший единобожие, потребовал отказа от языческого мышления и ритуалов и замены их соответствующими му-

сульманской догматике практиками. К примеру, в настоящее время наметилась тенденция к полному отказу от применения разного рода амулетов и талисманов, которые воспринимаются как признаки фетишизма, идолопоклонничества. Вместо них рекомендуется читать специальные суры из Корана, соблюдать нравственную и физическую чистоту, не пропускать намаз, раздавать милостыню. С точки зрения исламской идеологии все находится в ведении Аллаха, поэтому поклоняться и взывать с просьбами следует только к нему. Вследствие этого карачаевцы и балкарцы постепенно, по мере усиления влияния исламского вероучения отказались от части ритуальных действий, которые были связаны с языческими патронами, но основные этапы и обряды, приуроченные к рождению и взрослению ребенка сохранялись вплоть до середины XX в. Так, институт *аначы* (повитухи) ушел в прошлое лишь с широким распространением медицины и от-

крытием роддомов, что естественным образом отменило весь родильный цикл семейной обрядности. Однако, вследствие того, что наука и медицина не всемогущи, а языческое мышление было способно найти решение любой проблемы, некоторые рудименты древних практик сохранились и по сей день (система запретов, суеверий, обращение к знахарям и т. п.).

К сожалению, в рамках одной научной статьи невозможно полноценно отобразить все аспекты рассмотренной проблемы, ее задача состояла в том, чтобы продемонстрировать ее перспективность, наметить основные вехи для будущего, более подробного анализа детского цикла семейной обрядности и приуроченного к ней фольклора. Несмотря на это, полученные результаты могут способствовать воссозданию древней картины мира и этапов эволюции мировосприятия карачаево-балкарского этноса. Также они могут найти применение в научной и образовательной сфере.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архив Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН. П. 2. П. 44.
2. Берберов Б.А. Къарачай-малкъар фольклорну своду. 4-чю том. Къарачайлыланы бла малкъарлыланы жомакъ болмагъан, къара сёз бла айтылгъан чыгъармачылыкълары (Свод карачаево-балкарского фольклора. Т. 4. Несказочная проза карачаевцев и балкарцев). Нальчик: Принт Центр, 2020. 584 с.
3. Бесолова Е.Б. Об одном культово-ритуальном тексте осетин и абхазов // *Kavkaz-Forum*. 2022. № 10 (17). С. 5–15. DOI 10.46698/VNC.2022.17.10.010.
4. Болурова А.Н. Обряды и поверья карачаевцев, связанные с рождением детей (конец XIX – начало XX в.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 12 (50). С. 37–40.
5. Болурова А.Н. Семейно-бытовая культура карачаевцев в XIX – начале XX века: трансформация нормативной системы: автореф. дис. ... канд. истор. наук. Нальчик, 2008. 26 с.
6. Боташева Л.Х. Детский цикл обычаев и обрядов у карачаевцев: конец XIX – начало XX вв.: дис. ... канд. истор. наук. М., 2002. 260 с.
7. Вазгиева Н.А. Традиционный фольклор в детском цикле семейной обрядности кадарского этноса // Филология: научные исследования. 2020. № 1. С. 83–92. DOI 10.7256/2454-0749.2020.1.32288.
8. Дядюн С.Д. Народные верования в детском фольклоре народа ханты // Современные научные исследования и разработки. 2018. № 6 (23). С. 244–247.
9. Кучмезова М.Ч. Соционормативная культура балкарцев: традиции и современность. Нальчик: Эль-Фа, 2003. 216 с.
10. Малкондуев Х.Х. Обрядово-мифологическая поэзия балкарцев и карачаевцев. Жанровые и художественно-поэтические традиции. Нальчик: Эль-Фа, 1996. 272 с.

11. Малкондуев Х.Х. Этническая культура балкарцев и карачаевцев. Нальчик: Эльбрус, 2001. 176 с.
12. Малкондуев Х.Х., Гулиева (Занукоева) Ф.Х. Несказочная проза карачаевцев и балкарцев // Къарачай-малкъар фольклорну своду. 4 том. Къарачайлыланы бла малкъарлыланы жомакъ болмагъан, къара сёз бла айтылгъан чыгъармачылыкълары (Свод карачаево-балкарского фольклора. Т. 4. Несказочная проза карачаевцев и балкарцев). Нальчик: Принт Центр, 2020. С. 49–78.
13. Миндибекова В.В. Мифологическая основа обрядовых благопожеланий хакасов // Эпосоведение. 2023. № 2. С. 67–75. DOI 10.25587/SVFU.2023.16.84.006.
14. Обрядность в традиционной культуре алтайцев: коллективная монография. Горно-Алтайск: БНУ РА «НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова», 2019. 704 с.
15. Соколова В.К. Обряды и обрядовый фольклор. М.: Наука, 1982. 280 с.
16. Сокаева Д.В. Соотношение сюжетов нартовского эпоса о Батразе и осетинской обрядности в ретроспективе // Эпосоведение. 2025. № 2 (38). С. 5–15. DOI 10.25587/2782-4861-2025-2-5-15.
17. Хаджиева Т.М. Къарачай-малкъар фольклор: хрестоматия (Карачаево-балкарский фольклор: хрестоматия). Нальчик: Эль-Фа, 1996. 592 с.
18. Хаджиева Т.М. Малкъарлыланы бла къарачайлыланы халкъ поэзия чыгъармачылыкълары: Нарт эпос. Миф эм жашау-турмуш поэзия (Народное поэтическое творчество балкарцев и карачаевцев: Нартский эпос. Мифологическая и обрядовая поэзия). Нальчик: Эльбрус, 1988. 304 с.
19. Хаджиева Т.М. Фольклор // Карачаевцы. Балкарцы. М.: Наука, 2014. С. 522–584.
20. Шаманов И.М. Обряды, связанные с рождением и воспитанием ребенка // Карачаевцы. Балкарцы. М.: Наука, 2014. С. 474–486.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Arhiv Instituta humanitarnykh issledovaniy Kabardino-Balkarskogo nauchnogo centra RAN. P. 2. P. 44.
2. Berberov B.A. K"arachaj-malk"ar fol'klornu svodu. 4-chyu tom. K"arachajlylany bla malk"arlylany zhomak" bolmag"an, k"ara syoz bla ajtylg"an chyg"armachylyk"lary (Svod karachaevo-balkarskogo fol'klora. T. 4. Neskazochnaya proza karachaevev i balkarcev). Nal'chik: Print Centr, 2020. 584 s.
3. Besolova E.B. Ob odnom kul'tovo-ritual'nom tekste osetin i abhazov // Kavkaz-Forum. 2022. № 10(17). S. 5–15. DOI 10.46698/VNC.2022.17.10.010.
4. Bolurova A.N. Obryady i pover'ya karachaevev, svyazannye s rozhdeniem detej (konec XIX – nachalo XX v.) // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2014. № 12 (50). S. 37–40.
5. Bolurova A.N. Semejno-bytovaya kul'tura karachaevev v XIX – nachale XX veka: transformaciya normativnoj sistemy: avtoref. dis. ... kand. istor. nauk. Nal'chik, 2008. 26 s.
6. Botasheva L.H. Detskij cikl obychaev i obryadov u karachaevev: konec XIX – nachalo XX vv.: dis. ... kand. istor. nauk. M., 2002. 260 s.
7. Vazgieva N.A. Tradicionnyj fol'klor v detskom cikle semejnoy obryadnosti kadarskogo etnosa // Filologiya: nauchnye issledovaniya. 2020. № 1. S. 83–92. DOI 10.7256/2454-0749.2020.1.32288.
8. Dyadyun S.D. Narodnye verovaniya v detskom fol'klоре naroda hanty // Sovremennye nauchnye issledovaniya i razrabotki. 2018. № 6 (23). S. 244–247.
9. Kuchmezova M.CH. Socionormativnaya kul'tura balkarcev: tradicii i sovremennost'. Nal'chik: El'-Fa, 2003. 216 s.
10. Malkonduev H.H. Obryadovo-mifologicheskaya poeziya balkarcev i karachaevev. Zhanrovye i hudozhestvenno-poeticheskie tradicii. Nal'chik: El'-Fa, 1996. 272 s.
11. Malkonduev H.H. Etnicheskaya kul'tura balkarcev i karachaevev. Nal'chik: El'brus, 2001. 176 s.
12. Malkonduev H.H., Gulieva (Zanukoeva) F.H. Neskazochnaya proza karachaevev i balkarcev // K"arachaj-malk"ar fol'klornu svodu. 4 tom. K"arachajlylany bla malk"arlylany zhomak" bolmag"an, k"ara syoz bla ajtylg"an chyg"armachylyk"lary (Svod karachaevo-balkarskogo fol'klora. T. 4. Neskazochnaya proza karachaevev i balkarcev). Nal'chik: Print Centr, 2020. S. 49–78.
13. Mindibekova V.V. Mifologicheskaya osnova obryadovyh blagopozhelanij hakasov // Eposovedenie. 2023. № 2. S. 67–75. DOI 10.25587/SVFU.2023.16.84.006.

14. Obryadnost' v tradicionnoj kul'ture altajcev: kollektivnaya monografiya. Gorno-Altajsk: BNU RA «NII altaistiki im. S. S. Surazakova», 2019. 704 s.
15. Sokolova V.K. Obryady i obryadovyj fol'klor. M.: Nauka, 1982. 280 s.
16. Sokaeva D.V. Sootnoshenie syuzhetov nartovskogo eposa o Batraze i osetinskoj obryadnosti v retrospektive // Eposovedenie. 2025. № 2 (38). S. 5–15. DOI 10.25587/2782-4861-2025-2-5-15.
17. Hadzhieva T.M. K"arachaj-malk"ar fol'klor: hrestomatiya (Karachaevo-balkarskij fol'klor: hrestomatiya). Nal'chik: El'-Fa, 1996. 592 s.
18. Hadzhieva T.M. Malk"arlylany bla k"arachajlylany halk" poeziya chyg"armachylyk"lary: Nart epos. Mif em zhashau-turmush poeziya (Narodnoe poeticheskoe tvorchestvo balkarcev i karachaevcev: Nartskij epos. Mifologicheskaya i obryadovaya poeziya). Nal'chik: El'brus, 1988. 304 s.
19. Hadzhieva T.M. Fol'klor // Karachaevcy. Balkarcy. M.: Nauka, 2014. S. 522–584.
20. SHamanov I.M. Obryady, svyazannye s rozhdeniem i vospitaniem rebenka // Karachaevcy. Balkarcy. M.: Nauka, 2014. S. 474–486.

Поступила в редакцию: 15.12.2025.

Принята в печать: 30.01.2026.